

СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ КАК ЛАКУНА ПАМЯТИ: СПЕЦИФИКА ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА¹

Аникин Даниил Александрович (а)

(а) Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова / Липецкий филиал
 Финансового университета при Правительстве РФ. 119991, Российская Федерация, Москва,
 Ленинские горы, д. 1. E-mail: dandee[at]list.ru

Аннотация

Предметом исследования в статье является стратегия переосмысления советского прошлого в Калининградской области. В качестве методологии исследования выступает процессно-реляционная методология Д. Олика и опыт исследования тривиализации прошлого М. Стёркен. Калининградская область представляет собой уникальный регион, демонстрирующий сочетание туристических и миграционных практик, наложение различных пластов исторического опыта и исторической памяти. За последние годы в Калининграде можно наблюдать проект символического переосмысления советской архитектуры и ее замены реконструкцией немецкой готики, свойственной Кенигсбергу. В сфере общественного мнения подобные изменения коррелируют с воссозданием исторической памяти о довоенном Кенигсберге, одобрением политических инициатив по переименованию отдельных улиц и населенных пунктов. Вместе с тем, подобные процессы обусловлены не политическими, а экономическими причинами, в частности, ориентацией Калининграда в силу его географического положения на европейский рынок и востребованностью немецкого прошлого в качестве предмета туристической индустрии. Автор приходит к следующим выводам: в современном российском обществе присутствует запрос на символическое перекодирование советского прошлого, большую роль в этом процессе играют не политические, а экономические и социокультурные практики, пример с Калининградом позволяет переосмыслить традиционное противопоставление патриотизма и коллаборационизма, обозначая сложный комплекс мотивов конструирования «удобного» прошлого.

Ключевые слова

Историческая память; миграция; граница; советское прошлое; архитектура; конструирование; социальные практики

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution – Non Commercial – No Derivatives»](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149).

SOVIET PAST AS A LACUNA OF MEMORY: THE SPECIFICS OF THE BORDER REGION

Daniil A. Anikin (a)

(a) Moscow State University / Financial University under the Government of the Russian Federation.
Lipetsk Branch. 1, Leninskie Gory str, Moscow, Russia 119991

Abstract

The subject of the study in the article is the strategy of rethinking the Soviet past in the Kaliningrad region. The research methodology is D. Olick's process-relational methodology and experience in the study of the trivialization of M. Sturken's past. Kaliningrad region is a unique region, showing a combination of tourist and migration practices, superimposing various layers of historical experience and historical memory. In recent years, Kaliningrad has seen a project of symbolic rethinking of Soviet architecture and its replacement by the reconstruction of German Gothic, characteristic of Königsberg. In the sphere of public opinion, such changes are correlated with the re-creation of the historical memory of the pre-war Königsberg, the approval of political initiatives to rename individual streets and settlements. At the same time, such processes are due not to political, but to economic reasons, in particular, the orientation of Kaliningrad due to its geographical position on the European market and the demand of the German past as a subject of the tourism industry. The author comes to the following conclusions: in modern Russian society there is a request for symbolic recoding of the Soviet past, a big role in this process is played not by political, but by economic and sociocultural practices, the example with Kaliningrad allows to rethink the traditional opposition of patriotism and collaboration, marking a complex of motives of designing the "convenient" past.

Keywords

Historical memory; migration; border; Soviet past; architecture; designing; social practices

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution – Non Commercial – No Derivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Культура памяти современного российского города оказывается объектом воздействия со стороны различных и, зачастую, противоположно направленных коммеморативных практик. С политической точки зрения отчетливой тенденцией становится реабилитация советского прошлого посредством партикулярного переосмысления отдельных позитивных элементов (Бессмертный полк), но этот достаточно очевидный процесс оказывается сопряжен с вариативностью стратегий выстраивания региональной идентичности (Линченко, 2018). Большой диапазон данных стратегий определяется поиском оптимальной комбинации не только политических, но и экономических и культурных факторов, определяющих важность того или иного прошлого для современного российского региона. С архитектурной (а шире – с культурной) точки зрения «советскость» является важным атрибутом городского пространства, с которым приходится иметь дело в проектах конструирования городской памяти (Сыров, 2017, стр. 55).

При этом существенным оказывается вопрос методологии исследования, поскольку исследования памяти в последнее время превратились в широкий пласт самых разнообразных исследований, зачастую некритически переоценивающих роль «классического наследия» *memory studies*, в частности, работ М. Хальбвакса или П. Нора. Поэтому выбор методологии исследования, на наш взгляд, должен учитывать два существенных фактора: динамический характер мемориальных процессов и сетевой характер коллективной памяти, под которым понимается переплетенность разнообразных факторов, определяющих формирование и трансформацию образов прошлого. В этом смысле наиболее существенной представляется процессо-реляционная методология Д. Олика, сосредотачивающая внимание на выявлении культурных, политических и экономических контекстов трансформации мемориальных практик (Olick, 2007, p. 101). Важную роль играет выявленный М. Стёркен процесс тривиализации прошлого, при котором память превращается в предмет индустрии потребления, а негативный слой коннотаций стирается (Sturken, 2001, p. 7).

Специфика Калининградской области заключается в возможности отчетливо увидеть процесс несовпадения политических и экономических компонентов выстраивания региональной памяти на примере трансформаций городского культурного ландшафта. С одной стороны, Калининград позиционируется в качестве западного форпоста «русского мира», а с другой – ограниченность

символического потенциала его российского прошлого препятствуют эффективному использованию в экономическом, например, в туристическом аспекте, для которого важнее оказывается выстраивание культурных и архитектурных отсылок к Кенигсбергу (Wiarda, 2016, p. 15).

ОТ КАЛИНИНГРАДА К КЕНИГСБЕРГУ: ТРАЕКТОРИЯ МЕМОРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА

В 2018 году одним из самых заметных проявлений российской мемориальной политики стал спор о выборе названия для калининградского аэропорта Храброво. Легкий оттенок скандальности придавал спору тот факт, что на протяжении длительного времени в народном голосовании лидировал Иммануил Кант. (Жирнов, 2018) И, хотя все завершилось благополучно для аэропорта с точки зрения соответствия патриотическому духу (он получил имя императрицы Елизаветы Петровны), сама поляризация мнений вокруг переименования не самого значимого культурного объекта весьма показательна. (Катеруша, 2018)

Пилотным проектом архитектурной стилизации новостроек в центре города с целью создания псевдоисторического центра в довоенной стилистике стала «Рыбная деревня», построенная в 2006-2008 годах на берегу реки Преголя. Профессиональная критика проекта теряется в ряду многочисленных положительных отзывов: разнообразие псевдоготических фасадов этого делового и развлекательного центра, не являющегося научным воссозданием элементов утраченной застройки Кенигсберга, многими калининградцами и туристами оценивается как положительное явление, а декоративность фасадов воспринимается как дань историческому наследию города. (Марков, 2019б) После опыта «Рыбной деревни» появились проекты по научному воссозданию утраченной застройки центра Калининграда. Проект под названием «Сердце города», запущенный в 2013 году, во главу угла ставил восстановление утраченного Кенигсбергского замка, фантомной боли города. Замок располагался на пустыре в непосредственной близости от Дома советов. Проект восстановления замка должен был бы учитывать включение 20-тиэтажного здания в стиле советского модернизма в обновленный архитектурный ландшафт с возвращенными замковыми готическими и барочными постройками (Архипов, 2008). Проект был вскоре свернут (Катеруша, 2016), но восстановление Королевского замка, дата основания которого (1255

год) соотносится с датой основания Кенигсберга (Хекманн, 2006, стр. 95-96), остается городской мечтой.

Не утихают споры о реализованном в 2018 году проекте реконструкции фасадов типовых хрущевок на Ленинском проспекте. В ходе реконструкции фасады вытянутых по горизонтали хрущевок разделили на вертикальные секции посредством фронтонов, декоративных деталей и цветных акцентов, чтобы создать эффект соседства отдельных зданий через брандмауэр. По мысли авторского коллектива проекта, такое решение должно вызывать ассоциации с ганзейским стилем, характерным для довоенной архитектуры города (Гусева, 2018). Показательно, что жилищные условия жителей реконструированных домов не изменились: проект реконструкции фасадов не включал замену коммуникаций, ремонт подъездов или благоустройство придомовых территорий. Внутри хрущевки остались типовым советским жильем с низкими потолками, старыми трубами и миниатюрными кухнями (Катеруша, 2017). Более того, многие жители реконструируемых домов жаловались на невыносимые условия жизни во время проведения работ: постоянную строительную пыль, отсутствие света из-за фальшфасада, продолжительное отсутствие подачи газа и воды, протечки кровли. Многих жителей принудили демонтировать балконное остекление на уличных фасадах, чтобы унифицировать внешний вид обновленных домов (Huysen, 2003, p. 84)

В то же время в городе и в Калининградской области остро стоит проблема, характерная для всех регионов России: неэффективность работ по выявлению, консервации и реставрации памятников архитектуры. Многие подлинные довоенные постройки необитаемы, брошены, руинированы. Таковы, например, вилла Зор и бывшая кондитерская «Бельвю» в Светлогорске (Марков, 2017), довоенный мост на ул. Дачной в Калининграде, домик художника Ловиса Коринта в Гвардейске и многие другие памятники архитектуры (Марков, 2019а). А. Шёнле отмечает по поводу развалин: «Руины демонстрируют коллапс тех структур идентичности, которые позволяли нам представлять связи с другими людьми вне пространства и времени и мыслить настоящее как значимое звено между прошлым и будущим. Вместо этого у нас остается царство случайных событий и произвольных сопоставлений, которые могут получить значение только в случае чудесного вмешательства трансцендентной силы» (Шёнле, 2018, стр. 31). Символическое перекодирование городского пространства подразумевает, в большей степени, устранение советских руин из оптики стороннего

наблюдателя, но демонстрацию немецких руин в качестве той связующей линии, которая преодолевает разрыв между культурой довоенного Кенигсберга и отсылающей к ней современной индустрией памяти. (Russell, 2018, p. 43)

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Идентифицируют ли жители Калининградской области довоенную немецкую культуру как свою? Считают ли они, что имеют отношение к этой культуре по факту проживания на территории бывшей Восточной Пруссии? Считает ли себя современный калининградец отчасти и кенигсбержцем, по праву владения землей и стенами, когда-то созданными немцами для немцев?

Романтика старого Кенигсберга сегодня прочно укоренена в быте калининградцев. По наблюдениям, сувенирная продукция в Калининграде, репрезентирующая регион, – достопримечательности местности, предметы гордости местных жителей – в значительно меньшей степени связана с теми образами, что можно было бы назвать «традиционно русскими» или «типично российскими»: матрешка, гжель и хохлома, советская атрибутика. Гораздо большее внимание на рынке сувенирной продукции в Калининграде уделено немецкому довоенному наследию: открытки, шоколад и марципан с видами Кенигсберга, туристические проспекты с указанием сохранившихся с довоенных времен достопримечательностей, авторучки и брелоки с пряничными немецкими домиками. Значимое место в калининградском культурном ландшафте занимает довоенное материальное наследие – здания и предметы быта, помещенные в музеи, воскресающая в информационных табличках старая топонимика, преемственность традиций – мастерство янтарных ювелиров и изготовителей марципана. (Myers, 2007)

Диктатуру немецкой темы в сувенирном деле можно было бы объяснить тем, что сувенирный рынок Калининграда в большей степени ориентирован на внутренние туристические потоки, поставки экзотики соотечественникам, но статистика подтверждает существенное численное превосходство иностранных туристов в регионе. (Будников, 2019) Тема Кенигсберга неизменно выходит за рамки туристического аттракциона, присутствует в общественном пространстве Калининграда и других населенных пунктов региона: стилизация новостроек под средневековые немецкие фахверковые дома, готические шрифты вывесок, калькирование немецких слов в названиях магазинов, о чем в прошлом году жестко высказался политолог М. Колеров, назвав германизацию «потребительской

слабостью калининградцев», а само это явление – «изображением из себя прислуги немецкого наследия». (Колеров, 2017)

РЕЗУЛЬТАТЫ ОНЛАЙН-ОПРОСА

Чтобы оценить степень самоотождествления местных жителей с довоенной культурой, мы провели онлайн-опрос среди жителей Калининграда и Калининградской области.

Целью опроса было выявление отношения местных жителей к довоенной культуре их региона: насколько ее возвращение в реалии сегодняшней Калининградской области (возвращение довоенных топонимов, изучение довоенной истории края), а также тиражирование в современном обиходе (реконструкция советских зданий под ганзейский стиль, сувенирная продукция с видами Кенигсберга) необходимы и уместны, по мнению местных жителей.

Замечательно, что за короткое время (менее 36 часов) опрос прошли более тысячи человек при минимальных затратах на онлайн-продвижение. Также многие респонденты обратились к авторам опроса с просьбой предоставить результаты исследования. Исключительная отзывчивость респондентов может свидетельствовать о повышенном интересе к вопросу включенности наследия довоенной культуры в габитус жителей Калининградской области.

Разумеется, можно говорить лишь об относительной репрезентативности онлайн-опроса, поскольку очевидно, что стихийная выборка в существенной степени состоит из активных интернет-пользователей, в частности, пользователей соцсетей «ВКонтакте» и «Facebook», средствами которых авторы распространяли опрос (далее по цепочке ссылка на опрос распространялась респондентами и по другим каналам). Впрочем, учитывая охват аудитории разного возраста, включая 5,8% в возрасте 18 и менее лет и 0,8% в возрасте от 71 года, а также неоднородности половой принадлежности и вида деятельности, результаты опроса представляются небезынтересными. Во всяком случае, можно делать выводы относительно мнения аудитории от 19 до 60 лет, по преимуществу проживающих на территории Калининградской области, либо родившихся/выросших на этой территории и ныне проживающих в другом месте, но причисляющих себя к калининградцам – это наибольший сегмент опрошенных.

Опрос состоял из десяти вопросов, посвященных отношению жителей Калининградской области к довоенному наследию своего края. Например, респондентам предлагалось определить, нужно ли

улицам Калининграда, проходящим по трассам довоенных улиц, вернуть довоенные названия (Например, переименовать проспект Мира в улицу Хаммерверг), а также вернуть поселкам и малым городам Калининградской области их немецкие имена. Ответы на центральный вопрос – о переименовании Калининграда в Кенигсберг – выявили контраст мнений. В этом вопросе, в отличие от других, респондентам были предложены строго два варианта ответа: «да» и «нет», в то время как при ответе на другие вопросы, где предлагались, к тому же, смягченные формулировки ответов, многие (до 5% опрошенных) воспользовались вариантом «другое», чтобы высказать свое мнение, пусть и повторяющее предложенные варианты.

Также респондентам было предложено высказать свое отношение к бытовому аспекту влияния немецкого прошлого города: реконструкции фасадов хрущевок на центральной улице города под дома «ганзейского» стиля, тиражированию атрибутов довоенного быта, как то: марципана, портретов Иммануила Канта и др.

Всего в ходе исследования было получено 1 222 ответа. По результатам опроса 51% респондентов высказался за переименование Калининграда в Кенигсберг, в то время как 49% высказались против. В целом такое распределение мнений устойчиво сохранялось, с незначительными девиациями в рамках 1,5%, с момента достижения 270 ответов (изменение результатов опроса можно было наблюдать в режиме онлайн). Это свидетельствует об устойчивом расколе мнений относительно необходимости переименования города. Контент-анализ комментариев к опросу на страницах в социальных сетях показал, что сторонники переименования мотивируют свою позицию по этому вопросу не только необходимостью возвращения исторического названия, но и зачастую неприязнью к личности советского государственного деятеля М.И. Калинина, имя которого город носит сегодня, и сталинскому режиму вообще.

При этом около трети опрошенных считают уместным компромиссное решение – переименование нескольких улиц в центре и нескольких поселков в Калининградской области с возвращением им немецких названий в целях привлечения туристов.

Более половины опрошенных оценили новостройки и реконструкцию советских зданий в «немецком» стиле положительно: «очень красиво и уютно», в то время как треть отдали предпочтение сохранению и восстановлению исторической довоенной застройки. При этом абсолютное большинство (более 80 % опрошенных) находят тиражирование атрибутов немецкой довоенной культуры положительным явлением, согласны с формулировкой «это история

моего края, моя история – здорово, что об этом помнят и говорят». Относительно необходимости изучать довоенную историю своей земли респонденты высказывались осторожнее, и все же более 65% мотивируют изучение довоенной истории края тем, что «это тоже моя история», в то время как чуть более 30 % согласны с формулировкой «изучать нужно, но нельзя забывать, что мы все-таки калининградцы». (Сыров, 2019, стр. 119)

Интересно, что среди девяти респондентов, указавших возраст 71 год и старше, пятеро проголосовали за переименование Калининграда в Кенигсберг, опровергнув гипотезу о том, что старшее поколение (свидетели Великой Отечественной войны, либо дети, родившиеся в послевоенное время, чьи родители были свидетелями войны), склонны демонстрировать категоричность в отношении необходимости сохранить имя Калининграда как военного трофея. Более половины опрошенных проживают на территории Калининградской области всю жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам опроса можно сделать вывод, что среди жителей Калининградской области нет единого мнения относительно идентификации довоенной и послевоенной истории своей земли по принципу «моя» - «не моя», но большинство склонны не проводить черту между довоенным и послевоенным. Нельзя сказать, что калининградцы считают себя наследниками культуры Восточной Пруссии или видят себя жителями Кенигсберга, но демонстрируют глубокое чувство подлинника, проявляют ответственность к артефактам истории, будь то здания, топонимы или традиции. В то же время образ Кенигсберга остается заманчивой мечтой, которая не должна быть вполне воплощена, но эстетически привлекательные атрибуты которой включены в повседневную жизнь местного населения и не оцениваются им как чужеродные (Beiner, 2018, p. 153).

При этом важно понимать, что существенным фактором, влияющим на восприятие жителями Калининграда региональной памяти, является не столько политический, сколько экономический аспект. На примере данного региона можно наблюдать ситуацию возникновения своеобразной «индустрии памяти», построенной вокруг экономически рентабельного и экспортируемого продукта, а именно – памяти о досоветском прошлом региона. (Olick, 1999, p. 135) С точки зрения иностранных туристов привлекательность Калининграда определяется, прежде всего, сохранением архитектурных памятников и артефактов, символически отсылающих

к германскому прошлому. Поэтому вполне отчетливо диагностируемая идентификация значительной части горожан себя как жителей Кенигсберга имеет вполне определенные основания, в большей степени экономические, нежели политические. (Линченко, Головашина, Аникин, 2019, стр. 50) Таким образом, пример Кенигсберга, несмотря на свою исключительность в силу географического расположения и исторических факторов, демонстрирует несколько важных тенденций, свойственных для современных российских регионов:

1. Стремление переосмыслить советское прошлое, причем не на уровне основных идеологем, а в формате архитектурного наследия, нуждающегося во включении в актуальный культурный контекст – либо путем мемориализации, либо путем реконструкции и символического переозначивания.
2. Важность в региональном аспекте не столько политических, сколько экономических факторов трансформации культурной памяти, что особенно актуально для регионов с выраженным туристическим потенциалом.
3. В методологическом смысле пример Калининграда/Кенигсберга демонстрирует ограниченность классических моделей противопоставления своего/чужого, патриотизма/космополитизма, указывая на то, что специфика функционирования культурной памяти в современном обществе напрямую связана с полифонией мотивов и факторов.

Список литературы

- Beiner, G. (2018). *Forgetful Remembrance: Social Forgetting and Vernacular Historiography*. Oxford: Oxford University Press.
- Huyssen, A. (2003). *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford University Press.
- Myers, S. L. (2007). Russia Rebukes Estonia for Moving Soviet Statue. *The New York Times*.
- Olick, J. K. (1999). Collective Memory: The Two Cultures. *Sociological Theory*. 17(3), 333–348. doi:10.1111/0735-2751.00083
- Olick, J. K. (2007). Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. In Olick J. K. *The politics of regret: on collective memory and historical responsibility*. (pp. 85–118). New York: Routledge.
- Russell, J. (2018). *Social Amnesia. A critique of conformist psychology from Adler to Laing*. Boston: Beacon Press.

- Sturken, M. (2001). Comfort, irony, and trivialization: The mediation of torture. *International Journal of Cultural Studies*, (1), 1-18.
- Wiarda, H. J. (2016). *Political Culture, Political Science, and Identity Politics: An Uneasy Alliance*. Abingdon: Routledge.
- Архипов, И. (2008). *Новые призраки старого города*. Retrieved from http://expert.ru/northwest/2008/20/staryy_gorod/
- Будников, П. (2019). *Читатели National Geographic признали экскурсионный отдых в Калининграде лучшим в России*. Retrieved from <https://klops.ru/news/2019-11-29/204556-chitateli-national-geographic-priznali-ekskursionnyu-otdyh-v-kaliningrade-luchshim-v-rossii>
- Гусева, К. (2018). *«Архитектурное цитирование». Калининград. Реконструкция хрущевок в ганзейском стиле*. Retrieved from <http://www.berlogos.ru/article/arhitekturnoe-citirovanie-kaliningrad-rekonstrukciya-hrushyovok-v-ganzejskom-stile/>
- Жирнов, А. (2018). *Почитать Канта. Можно ли назвать аэропорт Калининграда именем немецкого философа*. Retrieved from <https://360tv.ru/news/tekst/pochitat-kanta/>
- Катеруша, А. (2016). *А как же Королевский замок? В Калининграде закрыли бюро «Сердце города»*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26589/3605461/>
- Катеруша, А. (2017). *Дворцы вместо хрущевок: В Калининграде отреставрируют целый проспект*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26684/3708297/>
- Катеруша, А. (2018) *Аэропорт Калининграда официально назвали в честь императрицы*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26916/3962657/>
- Колеров, М. (2017). *«Германизация — это следствие бедности калининградцев, это вахтовый метод»*. Retrieved from <https://regnum.ru/news/society/2261129.html>
- Линченко, А. А. (2018). Мифы о прошлом в медиа-среде: стратегии демифологизации в контексте современной исторической культуры. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, (6).
- Линченко, А. А., Головашина, О. В. & Аникин Д. А. (2019). От рынка к базару: метаморфозы коммерциализации прошлого в современном мире. *Вопросы философии*, (5), 49-58.
- Марков, И. (2017). *7 умирающих вилл старого Светлогорска*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26635.4/3654129/>

- Марков, И. (2019а). *Очевидец: Домик художника Ловиса Коринта в Гвардейске разрушается и не охраняется*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26927.3/3976890/>
- Марков, И. (2019б). *По электронным визам Калининград посетило в 10 раз больше туристов, чем Владивосток*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27025.4/4088630/>
- Сыров, В. Н. (2017). Где встречаются история и этика? *Вестник Томского государственного университета*, (422), 53-60. doi: 10.17223/15617793/422/8
- Сыров, В. Н. (2019). К вопросу о моральной составляющей исторической культуры. *Вестник Томского государственного университета. Серия «История»*, (58), 117-124. doi: 10.17223/19988613/58/17
- Хекманн, Д. (2006). Превращение Кенигсберга из форпоста Пруссии в ее центр (1255-1466). *Калининградские Архивы. Калининград*, (7), 95-106.
- Шёнле, А. (2018). *Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени*. М.: НЛЮ.

References

- Beiner, G. (2018). *Forgetful Remembrance: Social Forgetting and Vernacular Historiography*. Oxford: Oxford University Press.
- Huysen, A. (2003). *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford University Press.
- Myers, S. L. (2007). Russia Rebukes Estonia for Moving Soviet Statue. *The New York Times*.
- Olick, J. K. (1999). Collective Memory: The Two Cultures. *Sociological Theory*. 17(3), 333–348. doi:10.1111/0735-2751.00083
- Olick, J. K. (2007). Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. In Olick J. K. *The politics of regret: on collective memory and historical responsibility*. (pp. 85–118). New York: Routledge.
- Russell, J. (2018). *Social Amnesia. A critique of conformist psychology from Adler to Laing*. Boston: Beacon Press.
- Sturken, M. (2001). Comfort, irony, and trivialization: The mediation of torture. *International Journal of Cultural Studies*, (1), 1-18.
- Wiarda, H. J. (2016). *Political Culture, Political Science, and Identity Politics: An Uneasy Alliance*. Abingdon: Routledge.
- Arkhipov, I. (2008). *New ghosts of the old city*. Retrieved from http://expert.ru/northwest/2008/20/staryy_gorod/ (in Russian)

- Budnikov, P. (2019). *Readers of National Geographic recognized sightseeing holidays in Kaliningrad as the best in Russia*. Retrieved from <https://klops.ru/news/2019-11-29/204556-chitateli-national-geographic-priznali-ekskursionnyy-otdyh-v-kaliningrade-luchshim-v-rossii> (in Russian)
- Guseva, K. (2018). "Architectural citation." *Kaliningrad Reconstruction of the Khrushchev in the Hanseatic style*. Retrieved from <http://www.berlogos.ru/article/arhitekturnoe-citirovanie-kaliningrad-rekonstrukciya-hrushyovok-v-ganzejskom-stile/> (in Russian)
- Zhirnov, A. (2018). *Read Kant. Can Kaliningrad Airport be named after a German philosopher?* Retrieved from <https://360tv.ru/news/tekst/pochitat-kanta/> (in Russian)
- Katerusha, A. (2016). *But what about the Royal Castle? In Kaliningrad, closed the Bureau of the Heart of the City*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26589/3605461/> (in Russian)
- Katerusha, A. (2017). *Palaces instead of Khrushchev: A whole avenue will be restored in Kaliningrad*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26684/3708297/> (in Russian)
- Katerusha, A. (2018) *Kaliningrad Airport was officially named after the Empress*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26916/3962657/> (in Russian)
- Kolerov, M. (2017). "Germanization is a consequence of the poverty of Kaliningraders, it is a shift method." Retrieved from <https://regnum.ru/news/society/2261129.html> (in Russian)
- Linchenko, A.A. (2018). Myths about the past in the media: demythologization strategies in the context of modern historical culture. *Electronic scientific and educational journal "History"*, (6). (in Russian)
- Linchenko, A.A., Golovashina, O.V. & Anikin D.A. (2019). From market to bazaar: metamorphoses of the commercialization of the past in the modern world. *Questions of Philosophy*, (5), 49-58. (in Russian)
- Markov, I. (2017). *7 dying villas of old Svetlogorsk*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26635.4/3654129/> (in Russian)
- Markov, I. (2019a). *Eyewitness: The house of the artist Lovis Corinth in Gvardeysk is destroyed and not guarded*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26927.3/3976890/> (in Russian)
- Markov, I. (2019b). *With electronic visas, Kaliningrad was visited by 10 times more tourists than Vladivostok*. Retrieved from <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27025.4/4088630/> (in Russian)

- Syrov, V.N. (2017). Where does history and ethics meet? *Bulletin of Tomsk State University*, (422), 53-60. doi: 10.17223 / 15617793/422/8 (in Russian)
- Syrov, V.N. (2019). To the question of the moral component of historical culture. *Bulletin of Tomsk State University. Series "History"*, (58), 117-124. doi: 10.17223 / 19988613/58/17 (in Russian)
- Hekmann, D. (2006). The transformation of Koenigsberg from the outpost of Prussia to its center (1255-1466). *Kaliningrad Archives. Kaliningrad*, (7), 95-106. (in Russian)
- Schönle, A. (2018). *The architecture of oblivion. Ruins and historical consciousness in modern Russia*. M.: UFO. (in Russian)

RETRACTED